

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ,

в которой рассказывается о том, как в храме-пагоде было совершено телесное и духовное омовение, как на суд правителя была доставлены связанные черти и как паломники решили совершить еще одно доброе дело

Сто «кэ» ты должен помышлять о благе,
Чтоб в это время совершить благое дело:
С такой задачей справишься ты смело...
Но наберешься ли терпенья и отваги,
Чтоб больше сотни тысяч «кэ» не прекращать
От высыхания охранять живую влагу
И жар огня могучий умирять?
Вода с огнем уж более не в ссоре,
Не гнев являют свой теперь, а милость.
Пять сил природы меж собой не спорят,
И в цепь одну они соединились,
И темное и светлое начало
Приведены в достойное согласие,
Исчезло все, что странникам мешало,
И снова перед ними расстелились
Пути-дороги к истинному счастью.

Этот стих, который поется на мотив «Линцзянсян», мы привели здесь к тому, чтобы напомнить вам, как Танский монах и его ученики привели в гармонию силы воды и огня, благодаря чему вокруг распространились свежесть и прохлада. При помощи волшебного веера была потушена Огнедышащая гора, и вскоре путники миновали пространство в восемьсот ли, где еще совсем недавно бушевало пламя. Весело и беззаботно наставник и его ученики пустились в дальнейший путь на Запад.

Осень была на исходе, начиналась зима, и путники чувствовали ее приближение.

Вот послушайте:

С астр отцветающих уж лепестки облетают,

Нежные почки набухли на веточках сливы,
Вкусной похлебкою жены мужей угощают,
Что ни деревня, везде урожай убирают,
А в урожае — награда для трудолюбивых.
Листья опали с деревьев в дубравах равнинных,
Даль прояснилась, и словно приблизились горы...
Берег ручья покрывает серебряный иней,
Первый предвестник зимы, привлекающий взоры,
В воздухе гулко разносится звон колокольный,
В час предвечерний звучащий прощальным приветом.
Радуга скрылась, но ищешь ты в небе невольно
Яркий убор ее, что тебя радовал летом.
Водной стихии могущество видно повсюду,
С днями погожими, теплыми, жаль расставаться:
Все воспаренья земные таятся под спудом,
Все излученья небесные к небу стремятся.
Царство луны наступает в просторах Вселенной,
Лед одевает в наряд свой пруды и озера,
Гордые сосны от холода жмутся смиренно —
Осень проходит, заменит зима ее скоро.

Путники шли довольно долго и, наконец, в один прекрасный день увидели впереди город.
Танский монах придержал коня и обратился к Сунь У-куну:

— Ты только взгляни, какие там высятся строения! — воскликнул он. — Что это за место?
Хотелось бы узнать!

Сунь У-кун вытянул шею и стал пристально вглядываться вдаль. Это действительно был город.
И выглядел он настолько необычно, что лучше его описать в стихах.

Как тигр, притаившийся в засаде,

Или свернувшийся клубком дракон,
Лежал он в каменной своей ограде,
Обрывами крутыми окружен.
Вознесшийся поверх орлиных гнезд,
И, захватив владенья небосклона,
Он, кровлями почти касаясь звезд,
Был озарен их светом благосклонным.
Хранила неприступная вершина
Красу его, как некий клад старинный.
Быть может, то небесная столица,
Твердыня царства в десять тысяч ли,
У неба отняла его границы
И, гордая, раскинулась вдали.
Быть может, те чудесные чертоги,
Сиявшие, как десять тысяч лун,
И были славные в столетьях многих,
Заветные чертоги Вэйянгун.
Но кем бы ни был город тот построен,
Что перед взором путников предстал,
Он роскошью своею был достоин
Восторга, подражанья и похвал
Подметены мощеные дороги,
Блистают чистотой ступени и пороги,
Благоухают дивные сады,
Цветы, что и зимой не увядают,
С листвой, что никогда не облетает,
Посажены в красивые ряды.
На высоко воздвигнутом помосте

Мудрейшие правители страны
Изваяны из яшмы, бронзы, кости
И в ярких красках изображены.
Мосты, колонны, стены из нефрита
Резными украшениями покрыты
Доносится неугомонный шум
И слышатся веселый гам и пенье
В домах семейных и домах питейных —
Здесь скука никому нейдет на ум
Воистину во все века и времена
Сей город был и славный и великий,
На зов его достойного владыки
Покорные сходились племена,
К нему стекались гости издалече,
Как реки к морю синему текут,
И каждый был добросердечно встречен,
Здесь обретая милость и приют.

— Наставник! — ответил Сунь У-кун. — Это действительно город и в нем находится дворец правителя царства.

Чжу Ба-цзе рассмеялся:

— С чего это ты взял, что здесь живет правитель?

— У нас в Поднебесной в каждой области и в каждом уезде есть своя столица...

— Да где тебе знать, что резиденция правителя совершенно не то, что областной или уездный город, — едко ответил Сунь У-кун. — Ты погляди, одних ворот здесь более десяти, а в окружности город не менее ста с лишним ли. Смотри, какие высокие здания, а их крыши теряются в облаках. Если бы это не была резиденция, никакой пышности или величия ты бы здесь не увидел.

Тут Ша-сэн не выдержал:

— Братец! — с нарочитой вежливостью, вкрадчиво произнес он. — Ты всегда отличался проницательностью и зоркостью. Не скажешь ли нам, как называется этот город?

— Я не вижу ни надписей, ни стягов, на которых было бы обозначено название города, — нашелся Сунь У-кун. — Откуда мне знать, как он называется? Надо отправиться туда и расспросить у жителей: тогда мы и узнаем, как он называется.

Танский монах, услышав это, подстегнул коня, и вскоре путники достигли городских ворот. Сюань-цзан спешился, прошел по мосту через крепостной ров и вошел в ворота. Его спутники следовали за ним. На улицах города было оживленно, шла бойкая торговля. Чего здесь только не было! По улицам ходили люди в роскошных головных уборах и одеждах, с виду богатые. И вот продвигаясь вперед в этой нарядной толпе, наши путники вдруг увидели человек десять монахов. В рубищах, с колодками на шее, они шли, скованные между собой длинной цепью. Монахи переходили от дома к дому, прося подаяний.

Глядя на этих несчастных, Танский монах стал громко вздыхать:

— Как не пожалеть товарищей в беде, — сокрушенно произнес он и обратился к Сунь У-куну: — Подойди, расспроси, за что их наказали.

Сунь У-кун беспрекословно повиновался.

— Эй, братья-монахи! — крикнул он, подходя к ним. — Из какого вы монастыря и за что вас заковали в колодки?

Монахи разом опустились на колени и, отбивая поклоны, отвечали:

— Господин хороший! Мы невинно пострадавшие бедные монахи из монастыря Золотое сияние...

— А где находится ваш монастырь?

— Здесь, за углом, совсем близко.

Сунь У-кун привел монахов к наставнику, и Танский монах ласковым голосом обратился к ним:

— Братья! Расскажите же мне, за что вас так обидели.

Монахи переглянулись, а один из них сказал:

— Господин! Мы не знаем, кто вы и откуда пришли, но лицо ваше кажется нам знакомым. Здесь говорить опасно, давайте пойдем к нам в монастырь, и мы поделимся с вами нашим горем.

— Ну что же, — отвечал Танский монах. — Ведите нас к себе в монастырь! — Пойдем и узнаем обо всем, — добавил он, обращаясь к своим ученикам.

Вскоре они подошли к воротам монастыря, над которыми висела вывеска с семью золотыми иероглифами: «Возведенный по царскому указу монастырь Золотое сияние».

Наставник и его ученики вошли в ворота монастыря, и глазам их представилась неприглядная картина:

Давно уж опустел чудесный храм:

То не благоуханный фимиам

Под сводами старинными струится,

То ветерок, пробившись в щели, мчится

И развевает пыль по сторонам.

Своею кровлей, некогда узорной,

Пусть пагода восходит к облакам,

Но двор ее порос травой сорной,

Святилище не привлекает взоров,

Никто не молится, никто не служит там.

Войдя в него, пойдешь не по коврам,

А по шуршащему покрову листьев мертвых.

Повисла паутина по углам,

На росписях поблекших распростерта.

Сколь ни ходи по внутренним дворам —

Повсюду мрак, унынье, оскуденье,

Не слышно ни молитв, ни песнопений,

Лишь только птиц неугомонный гам

Пуста курильница пред изваяньем Будды,

Расхищены священные сосуды,

И все открыто четырем ветрам.

К горлу Танского монаха подступили слезы и неудержимым потоком полились из глаз. Тем временем монахи открыли двери храма, упираясь в них своими колодками, и предложили Танскому монаху поклониться изваянию Будды.

Сюань-цзан вошел в храм, мысленно воскурил фимиам перед Буддой и сразу же вышел во двор. У столбов, поддерживающих крышу храма, он увидел еще нескольких подростков-монахов, тоже скованных цепью. Этого Сюань-цзан уже не мог вынести и направился к настоятелю монастыря. Там уже собрались все монахи и встретили наших путников поклонами и расспросами:

— Почему это у вас разная наружность? — заинтересовался один из монахов. — Уж очень вы не похожи друг на друга. Неужто вы все из великого Танского государства, находящегося в восточных землях?

Сунь У-кун рассмеялся.

— Каким образом ты узнал, что мы из восточных земель? Ты обладаешь волшебным способом угадывания? — сквозь смех спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: — Да! Мы из восточных земель. Но, скажи нам, как ты об этом узнал?

— Господин! — отвечали монахи. — Какие могут быть у нас волшебные способы? Все очень просто: мы незаслуженно обижены и нам некому доказать свою правоту. Целыми днями мы ходим по городу, собирая подаяния и горько жалуясь на свою судьбу. Должно быть, эти жалобы тронули духов, так как вчера ночью мы все видели один и тот же сон. Нам приснилось, что явится Танский праведный монах из восточных земель, который спасет нас, и мы сможем рассказать ему о наших обидах. И вот сегодня, когда ты появился, глядя на твой необычный вид и одеяние, мы поняли, что ты и есть праведный монах из восточных земель.

Эти слова очень обрадовали Танского монаха.

— Скажите мне, что это за край, — спросил Сюань-цзан, — и за что вас здесь обидели?

Монахи опустили на колени и один из них начал жаловаться:

— Господин! Этот город — столица государства Цзисай — один из крупных городов в западных странах. В свое время варвары со всех сторон являлись сюда и приносили дары. С юга приходили послы из государства Юето, с севера — из государства Гаочан, с востока — из Силян, с запада — из Вэньбо. Ежегодно сюда привозили несметное количество самой лучшей яшмы и белого жемчуга, красавиц и резвых коней, причем все эти дары приносились добровольно, из чувства уважения к государству Цзисай, которое никогда ни с кем не воевало

и никого не приводило в покорность.

— Видимо, — заметил Танский монах, — правитель этого государства был человеком высокой добродетели, а его гражданские и военные сановники отличались мудростью и добросердечностью.

— Нельзя сказать, что гражданские сановники были очень мудры, а военные — добросердечны. Да и сам правитель не отличался высокой добродетелью. Дело в том, что священная пагода в нашем монастыре Золотое сияние издавна излучала дивное сияние, которое возносилось высоко в небо и по ночам было видно на расстоянии десятков тысяч ли, а днем окрашивалось в разные цвета радуги и озаряло даже соседние государства. Жители этих государств были уверены, что наш город священный, и все варвары являлись сюда с дарами. Но вот три года тому назад в день новолуния, в самом начале осени, ровно в полночь вдруг хлынул кровавый дождь. Когда рассвело, все жители были в страшном испуге и печали. Сановники доложили правителю государства, что, по их мнению, небесный владыка неизвестно за что прогневался и ниспослал кару. Тотчас же были приглашены все ученые маги-даосы для устройства молений, а буддийским монахам было велено читать сутры, чтобы задобрить духов Неба и Земли. Пагода, излучающая сияние, потускнела и с тех пор вот уже два года никто не привозит даров. Наш правитель хотел было пойти войной на соседей, однако сановники все в один голос отговорили его и оклеветали нас. Они сказали, будто это мы, монахи, украли золото, которым была покрыта пагода, она перестала сиять, а потому соседние страны отказались приносить дары. Неразумный правитель наш, не разобравшись, в чем дело, поверил злым сановникам: нас схватили и всячески пытали, требуя признания. В нашем монастыре было три поколения монахов. Старшие два не выдержали пыток и погибли; теперь принялись за наше поколение: нас допрашивают и держат в колодках. Будь над нами судьей, отец наш! Посуди сам: неужели мы осмелились бы похитить золотую кровлю пагоды? Умоляем тебя, сжался над нами, прояви свою доброту и сострадание и своей волшебной силой спаси нам жизнь, мы ведь тоже монахи, такие же, как и ты.

Танский монах слушал, участливо кивая головой, а затем со вздохом сказал:

— В этом деле очень трудно разобраться. Я думаю, что ваш правитель отошел от добродетельного образа правления, а вас самих постигла кара за грехи. Но почему вы сразу же, на другой день, не сообщили вашему правителю, что пагода потускнела от кровавого дождя? Вот и навлекли на себя беду.

— Отец наш! Мы ведь простые смертные! Нам и в голову не приходило, что небо, ниспослав этот дождь, изъявило нам свою волю. Даже старые монахи и то не поняли этого. Как же мы, младшие, могли разобраться!

— Который сейчас час, Сунь У-кун? — спросил Танский монах.

— По-моему, около часа «шэнь», — отвечал тот.

— Мне бы хотелось поспеть на прием к правителю и лично попросить его выдать нам

подорожную, только вот не знаю, как быть с этими несчастными монахами. Пока дело не выяснится, нельзя даже слова вымолвить в их защиту. Когда я, отправляясь на Запад, покидал нашу столицу Чанъань, то дал обет в монастыре Преддверие буддийских Истин возжигать во всех буддийских храмах фимиам, поклоняться изваянию Будды во всех буддийских монастырях и наводить чистоту во всех буддийских пагодах, которые мне встретятся на пути. И вот сейчас нам попались несчастные собратья — монахи, которые незаслуженно терпят тяжкие мучения из-за потускневшей пагоды. Раздобудь-ка мне новенький веник, а я пока обмоюсь, а затем пойду чистить пагоду. Надо выяснить, почему она перестала излучать сияние, тогда мне легче будет доложить об этом деле здешнему правителю и избавить несчастных монахов от незаслуженной кары.

Монахи, которые жадно ловили каждое слово Танского монаха, поспешили на кухню и вернулись с большим тесаком, который был передан Чжу Ба-цзе:

— Отец наш! — обратился к нему один из монахов. — Разруби этим тесаком цепь у столба кумирни, к которой прикованы молодые монахи, и освободи их. Тогда они смогут приготовить вам еду и помогут вашему наставнику обмыться. А мы пока сходим на базар и выпросим веник для вашего наставника.

— Да разве трудно расковать цепь? — смеясь, спросил Чжу Ба-цзе. — Никакого тесака не потребуется. Надо только попросить вон того монаха с волосатым лицом. Он — старый мастер открывать замки и расковывать цепи!

Сунь У-кун и в самом деле подошел к тому месту, где были прикованы монахи, и пустил в ход свои чары. Не успел он коснуться рукой цепи, как она сразу же упала. Освободившись, монахи бегом помчались в кухню, вычистили очаг и котел и стали готовить еду и чай.

Когда Сюань-цзан и его ученики поели, уже стало смеркаться. В это время появились монахи с двумя новыми вениками. Сюань-цзан очень обрадовался и только было начал с ними разговаривать, как вбежал послушник, зажег фонарь и попросил Танского монаха пойти обмыться. В это время на небе уже появились звезды и ярко светила луна. На часовой башне ударили в барабаны, отбивая часы ночной стражи.

Вот что рассказывается об этом в стихах:

Повеяло с полей прохладой сланной,
Как будто в праздник, все дома в огнях,
Но жители захлопывают ставни,
Засовы задвигают на дверях.
Замкнулись и базарные ворота,
Рыбачьи лодки к пристани пришли...

Вот слышно — кличет женщина кого-то,

И кто то отвечает ей вдали...

Вернулись с поздней пахоты быки,

Стреножены веревкою короткой...

За ставнями мерцают огоньки —

И школьники твердят свои уроки.

Закончив омовение, Танский монах надел рубаху с короткими рукавами, подпоясался шнуром, обулся в мягкие туфли, которые носят старцы, вооружился новым веником и обратился ко всей монашеской братии с такими словами:

— Идите спать и спите спокойно; я почищу пагоду и приду к вам.

— А что, если я пойду с вами, наставник? — попросил Сунь У-кун. — Пагода полита кровавым дождем, кроме того, в ней давно не зажигались священные светильники, поэтому могла завестись разная нечисть. К тому же ночь сегодня безоблачная и ветер холодный, одному вам будет тревожно и жутко.

— Вот и отлично! — обрадовался Танский монах, охотно приняв предложение Сунь У-куна.

После этого они оба, неся веники, направились к пагоде. Сперва они вошли в главное здание и зажгли глазурные светильники. Танский монах воскурил фимиам и, совершая поклоны перед изваянием Будды, произнес:

— Я, твой скромный последователь Чэнь Сюань-цзан, получил повеление государя великого Танского государства в восточных землях направиться к священной горе Линшань, предстать перед живым Буддой Татагатой и попросить у него священные книги. Ныне я достиг государства Цзисай и нахожусь в сем монастыре, именуемом Золотое сияние. Здешние монахи рассказали мне, что пагода сия осквернена грязью и ее сияние померкло, а правитель страны заподозрил монахов в том, будто они украли золотую кровлю пагоды, и наложил на них тяжкое наказание. Трудно теперь разобраться, где правда. Я, твой верный ученик, со всей искренностью явился сюда, в эту пагоду, чтобы очистить ее от грязи, и умоляю тебя, великий мой Будда, не откажи мне в прозрении, чтобы я смог узнать причину осквернения пагоды, не допусти того, чтобы простые смертные невинно страдали и мучились.

Закончив эту молитву, Танский монах вместе с Сунь У-куном открыл дверь, ведущую на лестницу, и начал подметать, переходя с нижних ярусов на верхние.

Вот что сказано об этой пагоде в стихах:

Столь высоко ее здание вознесено,

Что утопает оно в небосклоне лазурном;
Истинно ей надлежащее имя дано —
«Гордая башня из пятицветной глазури».
Вверх поднялся ты, и словно из темной норы
Вырвался — ввысь твои мысли и чувства стремятся,
Словно стоишь на вершине священной горы,
Той, где нетленного Будды частицы хранятся.
Как драгоценный сосуд, отражает сиянье луны
Пагода эта и звезд отдаленных мерцанье.
С кровли узорной ее чудеса мирозданья,
Ход облаков и рождение солнца видны.
А колоколов ее золотой перезвон
Слышен в селеньях, лежащих у дальних предгорий,
Звон их прелестный и чистый не даром рожден
Ветром, сюда долетающим с теплого моря.
Глянешь окрест — и поверхность огромной земли
Видишь впервые, как будто на ней ты и не был,
Видишь просторы земные на тысячи ли,
Словно живым ты взошел на девятое небо.
Жаль, что покинут людьми удивительный храм,
Мудрыми зодчими осуществленное чудо,
Что не возносится, мирно струясь, фимиам,
Пред изваяньем священным великого Будды.
Что поломались решетки искусной резьбы
И потускнели от грязи лепные узоры,
Чаши, светильники, трона витые столбы
Скрыты увядшими листьями, пеплом и сором.
Что запустенье и сумрак, везде воцарясь,

Все благолепье бывшее собой заменили,
И что под слоем густым паутины и пыли
Ждет оно лучших времен, до поры затаясь.
Приняли много безвинно страданий и мук
Жители пагоды, чье светозарное свойство
Вдруг прекратилось; но вот устранить неустройство
Взялся Сюань-цзан, и тотчас принялся он за дело,
Чтоб омраченная пагода вновь просветлела.

Выметая сор, ярус за ярусом, Танский монах ко времени второй ночной стражи добрался до седьмого яруса. Он уже начал испытывать усталость.

— Отдохните, устали ведь! — сказал Сунь У-кун. — Дайте, я немного помету! — Сколько же всего ярусов в этой пагоде? — спросил Танский монах.

— Пожалуй, все тринадцать,— отвечал Сунь У-кун.

Преодолевая усталость, Танский монах твердо заявил:

— Нет, я должен сам все сделать, только так я выполню свой обет!

Он подмел еще три яруса, но тут поясница и ноги у него так занули, что он вынужден был остановиться и сесть на пол. — Ничего не поделаешь, придется просить тебя подмести остальные три яруса,— сказал он, обращаясь к Сунь У-куну. Сунь У-кун приосанился и полез на одиннадцатый ярус.

Вскоре он уже был на двенадцатом. Он вошел во вкус и ра- ботал, можно сказать, с остервенением. Вдруг с вершины башни до него донеслись голоса. «Странно, очень странно! — подумал он. — Сейчас, должно быть, уже третья стража, кто же в такую пору может разговаривать на крыше пагоды? Не иначе, как снова какая-то нечисть. Пойду погляжу!».

И вот наш прекрасный Сунь У-кун, тихонько ступая и держа под мышкой веник, подобрал полы одежды и, подкравшись к дверям, стал всматриваться через отверстие. Посередине тринадцатого яруса лицом друг к другу сидели два оборотня. Перед ними стояли тарелка с едой, чашка и чайник. Оборотни играли в цайцюань. Проигравший пил штрафную. Сунь У-кун решил воспользоваться своими чарами, чтобы изловить их. Он отбросил веник, в руках у него появился железный посох с золотыми обручами. Держа его наготове, он заслонил выход и крикнул:

— Ну и хороши, черти проклятые. Так вот, оказывается, кто похитил богатства этой пагоды!

Оборотни опешили. Они вскочили на ноги и запустили в Сунь У-куна тарелку, чашку и чайник. Но тот отбил все это своим посохом и пригрозил:

— Если я убью вас здесь, некому будет давать показания на суде! — С этими словами он прижал оборотней концом своего посоха к стене пагоды с такой силой, что они даже пошевелинуться не смогли, будто вросли в нее.

— Пощади, пощади! — едва слышно молили они. — Мы здесь ни при чем, но мы знаем, кто похитил богатство пагоды.

Тут Сунь У-кун прибег к волшебному приему поимки и, одной рукой ухватив обоих оборотней, поволок их на десятый ярус к Танскому монаху.

— Наставник! — доложил он. — Я поймал разбойников, которые ограбили пагоду.

Танский монах только было начал дремать, но, услышав эти слова, сразу очнулся и обрадовался.

— Где же ты их изловил?

Сунь У-кун подвел оборотней ближе и заставил их встать на колени.

— Я их поймал на последнем, тринадцатом, ярусе, — сказал он. — Они там играли в цайцюань на выпивку. Я услышал, как они выкрикивали и шумели, выскочил на самую вершину пагоды и там изловил их без всяких усилий. Я мог убить их одним ударом моего посоха, но побоялся, что некому будет давать показания, а потому поймал их и живыми доставил сюда. Наставник! Вы можете допросить их, узнать, как они попали сюда и где находятся украденные богатства.

Оборотни, стоя на коленях, дрожали от страха и молили: «Пощадите!».

Затем они чистосердечно покаялись:

— Мы присланы сюда караулить пагоду царем драконов Вань-шэном с озера Лазоревые волны, что расположено на горе Каменный хаос. Моего приятеля зовут Бэньборба, а меня — Баборбэнь. Он оборотень сома, а я — угря. У моего повелителя, царя драконов, есть дочь, царевна Вань-шэн. Она прекрасна, как цветок, и свежа, как луна. Обладает всеми людскими талантами в двойной мере. Ей нашелся достойный жених, которого взяли в дом царским зятем. Зовут его Девятиголовым. Он обладает огромной волшебной силой. В позапрошлом году он явился сюда со своим тестем — царем драконов и напустил на весь город кровавый дождь, от которого потускнела пагода. После этого им удалось выкрасть пепел Будды, который здесь хранился. Между тем самой царевне удалось пробраться в высшее небо, где она украла у

матери небесного царя чудесное грибовидное растение с девятью отростками, которое выращивает теперь на дне озера в своем дворце. Ныне этот дворец и днем и ночью излучает золотое сияние, которое играет всеми цветами радуги. Совсем недавно прошел слух, что какой-то Сунь У-кун направляется на Запад за священными книгами. Про него рассказывают, будто он владеет великой волшебной силой. На всем пути он следит за тем, где кто провинился, и никому не дает спуска. Вот нас и отрядили сюда следить и разведывать, где он находится, и в случае его появления немедленно сообщить, чтобы можно было принять необходимые меры!

При этих словах Сунь У-кун зло усмехнулся:

— До чего же эти выродки и скоты бесцеремонны! Так вот, оказывается, почему они пригласили Князя с головой быка на пирушку! Они хотели укрепить с ним дружбу, чтобы вместе заниматься своими грязными делишками.

Не успел он договорить, как показался Чжу Ба-цзе и с ним три молодых монаха. Все они поспешно поднялись на башню, неся два фонаря.

— Учитель, — сказал Чжу Ба-цзе, подходя к Танскому монаху. — Что ты тут делаешь? Пагода убрана, и я думаю, что пора отправляться на покой.

— Ты пришел очень кстати, — вмешался Сунь-У-кун, — оказывается, все драгоценности этой пагоды украл царь драконов Вань-шэн. А этих двух оборотней, которых я только что изловил, он выслал сторожить пагоду и разузнать, когда мы здесь появимся.

— Как их зовут? И что это за оборотни? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Они все сами рассказали нашему наставнику. Одного зовут Бэньборба, а другого Баборбэнь. Один — оборотень сома, а другой — угря.

Тут Чжу Ба-цзе выхватил свои грабли и бросился на оборотней:

— Раз они оборотни и во всем признались, надо убить их — и все! Чего еще ждать? — крикнул он.

Но Сунь У-кун остановил его:

— погоди! Ты еще всего не знаешь. Оставь их, пусть живут себе пока. Теперь мы сможем явиться к здешнему правителю и говорить с ним. А оборотни пригодятся нам. Они помогут найти сокровище пагоды.

Тогда Чжу Ба-цзе убрал свои грабли, и все они стали спускаться вниз, таща за шиворот оборотней, которые всю дорогу вопили: «Пощадите! Пощадите!».

— Эх, до чего же хочется поесть сома! — смеялся Чжу Ба-цзе. — А из угря можно бы наварить ухи и накормить всех невинно пострадавших монахов!

Молодые монахи тоже были очень довольны и радостно хихикали. Они вели Танского монаха под руки, освещая ему дорогу фонарем. Один из них побежал вперед сообщить всем остальным радостную весть.

— Все в порядке! Все в порядке! — кричал он. — Теперь для нас опять воссияет солнце. Только что наши спасители изловили чертей, похитивших наше сокровище.

— Несите сюда проволоку, — скомандовал Сунь У-кун. — Мы сейчас проденем ее через ключицы оборотней и привяжем их здесь, а вы их как следует стерегите. Сейчас мы ляжем спать, а завтра решим, как поступить.

Монахи, разумеется, стали сторожить чертей и дали возможность Танскому монаху и его спутникам как следует выспаться. Незаметно наступил рассвет. Танский монах проснулся и сказал:

— Я пойду с Сунь У-куном во дворец, чтобы обменять подорожное свидетельство, и скоро вернусь.

Сюань-цзан облачился в свою парадную рясу, расшитую парчой, надел шапку, приосанился и направился во дворец. Сунь У-кун тоже привел в порядок свое одеяние, набедренную повязку из тигровой шкуры и холщовый халат, достал подорожное свидетельство и отправился вслед за наставником.

— Отчего же вы не берете с собой этих оборотней? — спросил Чжу Ба-цзе.

— Погоди, мы сперва доложим о себе, а за этими двумя пришлют стражников, чтобы доставить их на суд! — отвечал на ходу Сунь У-кун.

Вся дорога до самых дворцовых ворот была застроена величавыми постройками и дворцами, украшенными красными птицами и желтыми драконами.

Дойдя до восточных ворот главного дворца, Танский монах вежливо поклонился начальнику караульной стражи и обратился к нему с такими словами:

— Осмелюсь побеспокоить тебя, господин мой, просьбой. Передай, пожалуйста, правителю, что я хочу его лично повидать и попросить засвидетельствовать мое проходное свидетельство. Я, бедный монах, из великого Танского государства в восточных землях и по повелению моего императора иду за священными книгами.

Начальник стражи отправился докладывать правителю и, приблизившись к трону, сказал:

— У ворот дворца стоят два монаха. Они совершенно непохожи на наших. Говорят, что явились с материка Джамбудвипа, где находится Танское государство, и идут на Запад за священными книгами по велению самого Танского императора. Они хотят лично повидать тебя, мой царь и повелитель, чтобы ты им засвидетельствовал проходное свидетельство.

Правитель выслушал его и велел ввести монахов.

Наставник повел за собой Сунь У-куна ко двору. Все гражданские и военные чины пришли в ужас при виде Сунь У-куна. Одни говорили, что это обезьяна в образе монаха, другие находили, что он точь-в-точь похож на бога Грома. У всех бегали мурашки по спине и никто не осмеливался подолгу рассматривать Сунь У-куна. Сюань-цзан подошел к ступенькам трона и совершил церемонный поклон, а Сунь У-кун отошел в сторону, скрестил руки на груди и даже не пошевелился.

Танский монах обратился к правителю царства Цзисай:

— Я, бедный монах,— начал он, — явился сюда с южного материка Джамбудвипа, на котором расположено государство моего повелителя, Танского императора. Он послал меня на Запад в страну Индию, чтобы я предстал перед Буддой в его храме Раскатов грома, поклонился ему и попросил у него священные книги. Путь мой лежит через твое уважаемое государство, но я не смею пройти его самовольно. У меня есть при себе проходное свидетельство, которое прошу тебя засвидетельствовать и разрешить мне продолжить путь.

Правитель с радостью выслушал Танского монаха, велел провести его в парадный зал с золотыми колокольцами и усадил в кресло, расшитое дорогими вышивками. Войдя в зал, Танский монах обеими руками вручил проходное свидетельство правителю, после чего поблагодарил его за милость и лишь теперь решился сесть в присутствии государя.

Правитель ознакомился с проходным свидетельством и очень обрадовался.

— Когда твой правитель, государь великого Танского царства, тяжело заболел, ему посчастливилось найти тебя, высокочтимого монаха, который не испугался трудностей далекого пути и смело отправился на поклон к Будде за священными книгами. А вот у меня здесь монахи — негодяи и разбойники: только и помышляют о том, как бы погубить государство и свалить с трона своего повелителя.

При этих словах Танский монах молитвенно сложил руки и воскликнул:

— Откуда же тебе известно, что у твоих монахов столь преступные помыслы?

— Представь себе, что это так! — отвечал правитель. — Должен тебе сказать, что мое царство раньше занимало первое место среди всех прочих государств в западных землях. Сюда постоянно ездили чужеземцы из разных стран с богатыми дарами. И все наше благополучие зиждилось на монастыре Золотое сияние, вернее, на его замечательной пагоде с золотой

кровлей. Она днем и ночью излучала дивное сияние, разноцветными лучами возносившееся к небу. Но вот совсем недавно разбойники-монахи этого монастыря тайком похитили все сокровища пагоды, и уже третий год как пагода потускнела и не излучает дивного сияния. Поэтому чужеземцы перестали являться сюда со своими приношениями. Ух, и зол же я на этих монахов!

Танский монах снова сложил ладони рук и сказал:

— Желаю тебе многих лет царствования! Но позволь мне напомнить тебе мудрое изречение: «Незначительная ошибка может привести к серьезному заблуждению»! Я, бедный монах, вчера поздно вечером прибыл в твою благословенную страну и как только вошел в ворота, увидел целую толпу жалких монахов, их было более десяти человек,— все с колодками на шее. Я спросил их, за что они наказаны, и монахи рассказали мне, что живут в монастыре Золотое сияние и страдают совершенно невинно. Я отправился к ним в монастырь, тщательно все проверил и убедился, что эти бедные монахи действительно ни в чем не повинны. Ночью я занялся уборкой пагоды, и мне удалось изловить тех чертей-разбойников, которые похитили все сокровища пагоды.

Правитель государства очень обрадовался.

— Где же эти разбойники? — живо спросил он.

— Они связаны и находятся в монастыре, — отвечал Танский монах.

Правитель тотчас же велел выдать золотую табличку, на которой был приказ:

«Немедленно повелеваю страже отправиться в монастырь Золотое сияние, взять чертей-разбойников, привязанных проволокой, и доставить сюда для допроса».

Тогда Танский монах снова заговорил:

— Желаю тебе десять тысяч лет царствовать! — начал он. — Прошу тебя послать с ними и моего ученика: так будет более надежно.

— А где твой ученик? — спросил повелитель.

Танский монах указал на Сунь У-куна:

— Вон стоит в стороне, у яшмовой лестницы.

Повелитель взглянул на Сунь У-куна и в сильном испуге произнес:

— Как же это у тебя, благообразного монаха, такой страшный ученик?

Сунь У-кун услышал эти слова и громко ответил:

— Ваше величество! Нельзя судить о человеке по его на ружности, так же как глубину моря нельзя измерить ведрами! Хотел бы я посмотреть, как благообразные, которые вам так нравятся, изловили бы чертей-разбойников?

Тут правитель успокоился и повеселел:

— Ты совершенно прав, — сказал он, — для меня важнее всего изловить похитителей и вернуть драгоценности пагоды, а у кого какой вид — мне безразлично.

После этого он велел подать придворный паланкин, приказал страже усадить туда со всякими почестями ученика Танского монаха и отправиться вместе с ним за разбойниками.

Большой придворный паланкин был подан моментально вместе с огромным желтым зонтом. Начальник стражи отрядил почетную стражу из старших и средних чинов дворцовой охраны; восемь носильщиков подняли паланкин с Сунь У-куном, а восемь сменных носильщиков побежали рядом, прокладывая путь в толпе зевак и разгоняя их грозными окриками. Процессия проследовала прямо в монастырь Золотое сияние. Весь город встревожился, и улицы были запружены народом: всем хотелось поглядеть на диковинного монаха и чертей-разбойников.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн слышали крики охраны, разгонявшей толпу, и решили, что за ними едут гонцы от правителя государства. Они поспешили навстречу, но оказалось, что это прибыл Сунь У-кун, восседая в придворном паланкине. Дурень Чжу Ба-цзе не удержался и прыснул со смеху.

— Братец! — насилу проговорил он, задыхаясь от смеха. — Наконец-то ты в своем настоящем облике.

Сунь У-кун слез с паланкина, опираясь на Чжу Ба-цзе, и строгим тоном спросил его:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну как же? — продолжал смеяться Чжу Ба-цзе. — Тебя несли сюда под желтым зонтом в роскошном паланкине восемь носильщиков. Разве это не царские почести? Вот почему я и сказал, что ты предстал в своем настоящем виде.

— Ну, полно тебе смеяться, — строго осадил его Сунь У-кун.

Затем он отвязал обоих оборотней и передал их страже.

Тут Ша-сэн обратился к Сунь У-куну с просьбой:

— Братец, ты и меня взял бы с собой во дворец! Возьми, а?

— Нет, оставайся лучше здесь и стереги нашу поклажу и коня, — отвечал Сунь У-кун.

Но монахи поддержали Ша-сэна:

— Ступайте все вместе, почтенные монахи! — заговорили они. — Пусть вас облагодетельствует наш повелитель. А мы тут за всем присмотрим и сбережем все в полной сохранности!

— Ну, раз так, — сказал Сунь У-кун, — пойдемте все вместе к повелителю и попросим его освободить вас.

Чжу Ба-цзе схватил за шиворот одного оборотня, Ша-сэн — другого, Великий Мудрец Сунь У-кун сел в паланкин, и эта необычная процессия направилась во дворец.

Вскоре они достигли яшмовых ступеней трона, и Сунь У-кун доложил правителю:

— По вашему повелению разбойники доставлены во дворец. Правитель сошел с трона и в сопровождении Танского монаха, а также своей многочисленной свиты из гражданских и военных чинов вышел поглядеть на оборотней. Один из них был с острой свирепой мордой, черной спиной и острыми клыками, а другой — толстобрюхий, гладкий, с огромным ртом и длинными ушами.

Хотя у них были ноги, и они могли передвигаться на них, но по всему было видно, что это не люди.

— Откуда вы взялись, разбойники? — спросил их повелитель. — Где ваше пристанище? Давно ли занимаетесь грабежом в моем царстве? В каком году похитили сокровища моей пагоды? Сколько вас всех в вашей шайке? Как зовут? Отвечайте на все без утайки!

Оборотни опустили на колени перед повелителем. У каждого из них из шеи сочилась кровь, но они, видимо, не ощущали никакой боли.

— Три года тому назад, — начали рассказывать оборотни, — в первый день седьмого месяца появился недалеко отсюда, примерно в ста десяти ли, царь драконов по прозванию Мудрейший, который поселился в этом государстве, в юго-восточной окраине, со всеми своими многочисленными сородичами. Там есть озеро, которое зовется Лазоревые волны. Оно расположено на горе Каменный хаос. У царя драконов есть дочь необыкновенной красоты, которая пленяет всех. Ей подыскивали жениха, и он вошел зятем в дом царя драконов. Зовут его Девятиголовый. Нет равных ему в различных чарах и волшебствах. И вот, узнав про чудеса твоей драгоценной пагоды, он вместе со своим тестем, царем драконов, ограбил ее. Сперва они

напустили кровавый дождь, а потом уже выкрали из пагоды пепел Будды. Сокровища пагоды хранятся теперь во дворце царя драконов, а царевне к тому же удалось выкрасть у матери небесного владыки грибовидное растение, которое она выращивает на дне озера. Мы сами — мелкие сошки и состоим на службе у царя драконов. Он послал нас сюда на разведку. Сегодня ночью нас схватили. Вот все, что мы можем показать; и это сущая правда!

— А почему вы скрываете свои имена? — спросил правитель. Один из оборотней отвечал:

— Меня зовут Бэньборба, а его Баборбэнь. Я оборотень сома, а он — угря.

После этого правитель приказал стражникам отвести оборотней в тюрьму и издал указ, в котором говорилось:

«Помиловать монахов монастыря Золотое сияние и снять с них колодки и цепи. Велеть стольничьему приказу устроить пиршество во дворце Циляня в честь благочестивых монахов, изловивших разбойников. Предлагаю всем обратиться с просьбой к праведным монахам изловить главарей разбойников».

Тотчас по получении этого указа были приготовлены всевозможные постные и скромные яства. Правитель государства пригласил Танского монаха и его спутников во дворец Циляня, где вступил с ним в дружескую беседу.

— Как величать вас? — учтиво спросил он Танского монаха.

Тот почтительно сложил руки и ответил:

— Меня, бедного монаха, зовут по фамилии Чэнь. Монашеское имя мое — Сюань-цзан. Мой государь удостоил меня высокой чести носить ту же фамилию, что и его династия. Прозвище мое «Трипитака».

— А как величать твоих уважаемых учеников? — спросил вслед за тем повелитель государства.

— У моих учеников нет еще заслуженных прозвищ, — отвечал Танский монах. — Старшего зовут Сунь У-кун, второго — Чжу У-нэн, а младшего — Ша У-цзин. Эти имена были пожалованы им бодисатвой Гуаньинь, богиней, которая обитает на Южном море. Когда они признали меня своим учителем и изъявили желание быть спутниками-последователями, я стал звать их так: Сунь У-куна — Странником-богомолем, Чжу У-нэна — Чжу Ба-цзе — блюстителем восьми заповедей, а Ша У-цзина — просто монахом.

Правитель выслушал Сюань-цзана, а затем предложил ему занять почетное место на пиру. Сунь У-кун сел слева от наставника, а Чжу Ба-цзе и Ша-сэн — справа. Гостям были поданы исключительно постные блюда и закуски, фрукты и чай. Место выше Сюань-цзана занял правитель, которому были поданы скромные угощения. Ниже более ста мест были уставлены

тоже скромными блюдами. Там разместились гражданские и военные чины.

Сановники поблагодарили государя за проявленную милость, покаялись в ложном обвинении монахов и затем заняли свои места.

Правитель поднял бокал, но Танский монах не осмелился выпить и распивал слабое вино со своими учениками. Внизу играл оркестр, состоящий из струнных и духовых инструментов. Это был оркестр придворной музыкальной школы.

Посмотрели бы вы, читатель, как вел себя Чжу Ба-цзе! Кажется, он дал полную волю своему неумеренному аппетиту. Он поглощал разные блюда с жадностью голодного волка или тигра. Всю еду и фрукты, которые стояли неподалеку от него, он съел один. Вскоре подали дополнительные блюда, но он опять накинулся на них, словно еще ничего не ел, и очистил все блюда без остатка. Он ни разу не отказывал разносящим вино ни в единой чарке. Веселый пир продолжался весь день почти до самого вечера. Танский монах поблагодарил за богатое угощение. Правитель государства стал упрашивать его остаться.

— Этот пир был устроен в знак благодарности за поимку оборотней-разбойников, — сказал он.

Затем он велел стольничьему приказу:

— Живей приготовьте угощение во дворце Цзяньчжангун. Там мы обратимся к праведному монаху еще с одной просьбой — изловить главарей разбойников и придумать способ, как вернуть драгоценности, похищенные из пагоды.

— Если вы хотите, чтобы мы изловили главарей разбойников, то для этого вовсе не нужно устраивать еще один пир, — сказал Танский монах. — Позвольте нам на этом закончить праздник, поблагодарить за угощение и распрощаться с вами. Мы сейчас же отправимся на поимку главарей!

Но правитель ни за что не соглашался. Он во что бы то ни стало хотел отправиться во дворец Цзяньчжангун и снова сесть за стол с яствами. Пришлось последовать за ним. Поднимая полную чару с вином, он сказал:

— Кто из вас, праведные монахи, возглавит мое войско для покорения и поимки главарей разбойников?

Танский монах подсказал:

— Пусть идет мой старший ученик и последователь Сунь У-кун.

Великий Мудрец сложил руки в знак согласия и вежливо поклонился.

— Сколько же тебе понадобится людей и коней, если ты, уважаемый Сунь У-кун, решил отправиться в этот поход? И когда ты думаешь покинуть город? — спросил правитель.

Тут Чжу Ба-цзе не вытерпел и закричал во весь голос:

— Для чего ему люди и кони и зачем устанавливать определенное время? Разрешите мне с моим старшим братом Сунь У-куном прямо с этого пира, пока мы сыты и пьяны, отправиться за главарями разбойников и приволочь их сюда своими руками!

Танский монах очень обрадовался.

— Ну, Чжу Ба-цзе, — сказал он, — ты за последнее время стал очень старательным!

— Раз на то пошло, — добавил Сунь У-кун, — то пусть Ша-сэн остается здесь и охраняет нашего наставника, а мы вдвоем живо слетаем и мигом явимся обратно.

— Как же так? — удивился правитель государства, — вы не хотите брать с собой ни людей, ни коней! Может, вам пригодится какое-либо оружие?

— Ваше оружие, — засмеялся Чжу Ба-цзе, — нам не пригодится. У нас есть свое.

Правитель государства, услышав это, возликовал, поднял огромный кубок с вином и стал прощаться с обоими монахами.

— Нет, пить больше нельзя! — отказался Сунь У-кун. — Прошу тебя, прикажи стражникам выдать нам обоих чертей. Мы их возьмем с собой в качестве проводников.

Правитель отдал соответствующее распоряжение, и просьба Сунь У-куна была тут же исполнена. Каждый монах схватил по оборотню, и вместе с ними, уцепившись за порыв ветра, монахи исчезли из виду, направившись прямо на юго-восток. О читатель! Вы и представить себе не можете, как были поражены правитель и его свита, когда увидели это чудо, свершившееся перед их глазами. Теперь только они вполне убедились, что имеют дело не с простыми монахами, а с праведным наставником и его учениками.

Если вы хотите знать, удалось ли им поймать главарей разбойников и каким образом, то прочтите следующую главу.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288176>